

Анатолий Рыбаков

Водители

ФТМ

Анатолий Наумович Рыбаков
Водители
Серия «Приключения Миши
Полякова и его друзей», книга 4

вычитка, fb2 – Chernov Sergey 04.2008

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163617

*Анатолий Рыбаков Водители. Екатерина Воронина. Неизвестный
солдат.: ФТМ; Москва; 1972*

Аннотация

Это книга о шоферах и шоферском труде, о радостях и горестях рабочего человека. Ни материал, ни сюжет, ни стиль романа нисколько не напоминает трилогию Кортик-Бронзовая птица-Выстрел. И только имя героя «Водителей», молчаливого начальника автобазы – Михаил Григорьевич Поляков, – выдает внутреннее намерение автора дать картину судьбы поколения, начавшего свой путь при свете первых пионерских костров и принявшего на свои плечи главный груз великой войны.

За роман "Водители" А.Рыбаков в 1951 году удостоен Государственной премии СССР.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатолий Рыбаков

Водители

Глава первая

Вертилин свободно расположился в потертом кожаном кресле, единственном в маленьком кабинете Полякова, если можно назвать кабинетом этот угол канцелярии, отгороженный фанерной перегородкой. Стояли здесь еще два стула, стол, за которым сидел Поляков, шкаф с чертежами и автомобильными деталями на полках. У двери рукомоyleйник, рядом с ним полотенце и синий в масляных пятнах комбинезон.

– У меня есть резолюция товарища Канунникова, – сказал Вертилин, – но, – он улыбнулся, – вы хозяин, вам и решать.

Улыбка как нельзя больше шла ко всему его облику крупного, полного сорокалетнего мужчины, благодушного и деловитого. На нем был серый в полоску костюм. Открытый ворот рубашки молодил холеное лицо с чистой кожей, ясным лбом, уходящим в залысину, и голубыми приветливыми глазами.

– Покажите резолюцию, – сказал Поляков.

– Резолюция довольно туманная. Если все резолюции так пишутся... – Вертилин протянул записку, вздохнул и стал

украдкой разглядывать Полякова.

Перед ним сидел человек лет тридцати пяти, с сухощавым энергичным лицом. Зачесанные на косой пробор черные волосы тронуты на висках первой сединой, без которой это мужественное лицо могло бы показаться несколько грубоватым. Синяя рубашка с темным галстуком свободно облегла широкую грудь и сильные плечи. Почерневшие складки кожи на широких ладонях и крепких пальцах свидетельствовали о долголетней шоферской практике. Хорошо знакомый Вертилину тип начальника гаража, «хозяина» небольшого предприятия. Пытаясь предупредить отказ, Вертилин сказал:

– Конечно, пять-шесть машин не делают погоды: кирпича надо перевезти несколько миллионов штук. Тут нужна сотня машин, и скоро подойдет моя автоколонна. Но пока надо начать вывозку, наряды пропадают.

Поляков возвратил бумагу Вертилину:

- К сожалению, помочь не могу.
- Такая мелочь, пять-шесть машин...
- Все машины уже распределены.

Поляков встал. Вертилин тоже поднялся. Но он был не из тех, кто быстро уходит. С хорошо разыгранным недоумением он спросил:

- Что же мне делать?
- Добейтесь решения облисполкома. Пусть у кого-нибудь снимут и дадут вам.

– Решения мы добьемся. Но пока будут решать, я навигацию упущу. Нам, приезжим заготовителям, все это не так легко пробивать.

Поляков молчал. У него действительно не было свободных машин.

– Будем говорить как хозяйственник с хозяйственником, – веско проговорил Вертилин. – Помогите мне – я помогу вам. Нуждаетесь в строительных материалах? Кроме того, плачу наличными. Я знаю, что такое для предприятия наличные деньги в кассе.

Поляков поднял глаза, внимательно посмотрел на Вертилина.

– Не поймите меня превратно, – продолжал Вертилин. – Закон есть закон, но существуют мелочи, которые закон не в силах предусмотреть, приходится как-то изворачиваться.

Он искал взаимного понимания, когда возникшая симпатия решает дело.

– Напрасно вы теряете время, – сказал Поляков. – Свободных машин нет.

Наступило молчание. Вертилин не уходил. Черт возьми! Он не от себя пришел, а от крупной государственной стройки. На минуту он забыл о действительной причине своей назойливости. Волнение сообщило его голосу искреннюю проникновенность:

– У вас есть, конечно, основания отказывать мне. Но не случилось ли и вам быть в моем положении? И не думали ли

вы тогда, что если бы люди отнеслись к вам по-человечески, то помогли бы.

– Все это так, – ответил Поляков, – но мы недодаем на линию много машин. И за это нас бьют.

– Еще за пять машин не повесят, – сразу повеселел Вертилин. Ему казалось, что он задел в душе Полякова какую-то живую струнку и этим исправил промах, который сделал, заговорив об оплате наличными деньгами.

– Для того чтобы выделить вам эти пять машин, их надо у кого-то отнять, – сказал Поляков. – Этого делать я не имею права. Самое для вас верное: пригнать сюда колонну и ни от кого не зависеть.

– Ну что ж, – Вертилин взял шляпу, перекинул через руку макинтош. – Нет так нет. А все же я буду вам надоедать. – Он улыбнулся в знак того, что они расстанутся если не друзьями, то хорошими знакомыми.

– Заходите, – Поляков тоже улыбнулся, обнажив два ряда крепких белых зубов. Казалось, будто он улыбался не шутке Вертилина, а своим собственным мыслям.

Двор, куда вышел Вертилин из конторы, был обнесен новым забором, ворота обиты железом, проходная будка выкрашена зеленой краской. Вокруг помоста для мойки машин не было обычной лужи: вода уходила в специальный сток. Из-за красных, потемневших от времени кирпичных стен мастерской доносился глухой шум производства: удары молота по железу, рокот моторов, шипение электросварки.

Возле гаража стояли три грузовика; вокруг них хлопотали шоферы, готовясь в рейс. Хорошие машины! Чисто вымытые, свежеекрашенные, с застекленными кабинами. У автобазы – лучшие машины в городе.

Во всем ощущалась крепкая хозяйственная рука. Порядок Вертилин увидел даже в том, как старичок сторож, наморщив лоб, проверил отметки в пропуске, затем предупредительно открыл дверь и козырнул.

Неожиданный отказ Полякова расстраивал тщательно обдуманый Вертилиным план. В этом плане автобаза занимала место не главное, но существенное: ей предстояло служить ширмой, за которой разыграется сама комбинация.

Случай помог Вертилину. Выйдя из проходной, он столкнулся со снабженцем автобазы Смолкиным.

Полнота не мешала этому румянному молодому человеку, в новеньком защитном кителе и синих брюках на выпуск, быть крайне подвижным и деятельным. Сейчас он шел быстрой походкой, присущей людям, которые всегда торопятся без всякой к тому причины.

– А я только от вас! – воскликнул Вертилин, останавливаясь посреди тротуара и широко разводя руками.

Изобразив на лице не меньшую радость и выказывая крайний интерес к Вертилину и его делам, Смолкин спросил:

– Были у Полякова, все в порядке?

– Не совсем, – ответил Вертилин, всматриваясь в плуто-

ватое лицо Смолкина.

– Неужели отказал? – испуганно спросил Смолкин и даже схватил Вертилина за руку.

– Да.

– Не может быть?!

– Как видите, – ответил Вертилин, легонько освобождая руку.

– Странно. – Смолкин покачал головой.

– Мне с ним и поговорить толком не удалось. Народу в кабинете полно.

– У него всегда сутолока, – подтвердил Смолкин, знавший, что Поляков никогда не принимает сразу нескольких посетителей.

– А поговорить есть о чем, – многозначительно произнес Вертилин, не сводя со Смолкина оценивающего взгляда.

– Ничего, – успокоил его Смолкин, – все наладится, забегите как-нибудь, потолкуем.

– Мы можем встретиться сегодня, – сказал Вертилин.

– Когда?! Кончаю я поздно, надо домой заскочить, пообедать.

– Вот и поужинаем.

Вечером они сидели за столиком летнего ресторана на веранде, увитой побегами дикого винограда. Внизу, по аллеям сада, двигались толпы гуляющих, скрываясь и вновь возникая в свете редких фонарей. На танцевальной площадке играл духовой оркестр, заглушая звуки оперетты, доносивши-

еся из летнего театра.

Вертилин изучал меню. Официант стоял перед ним в позе той небрежной почтительности, которой официанты показывают посетителю бессмысленность его долгих размышлений. Смолкин громко переговаривался со своими многочисленными приятелями, сидевшими за соседними столиками, оглушительно смеялся и, не задумываясь, обещал Вертилину все устроить. При этом он делал пренебрежительный жест рукой, как бы говоря: «Все это для нас пустяки!»

Вертилин, сам снабженец, знал цену подобным обещаниям. Говорить надо по-деловому. Во-первых, он может помочь автобазе со стройматериалами; во-вторых, у него кое-какие связи в Москве; в-третьих...

– ...В-третьих, – перебил Смолкин, поднимая рюмку, – должны мы поддерживать друг друга или нет? За успехи!

Выпив и закусив, Смолкин продолжал:

– Подумаешь, пять машин! Все это решает начальник эксплуатации, а мы с ним живем – во! – Смолкин сжал ладони одна в другой.

– Значит, договорились? – сказал Вертилин. – Я постараюсь быть вам полезным.

Смолкин поморщился. Ничего базе от Вертилина не нужно.

– Мне надо начать вывозку немедленно, – напомнил Вертилин.

– Не задержим. Передайте заявку мне, я сам все оформлю.

Послезавтра можем встретиться в Росснабсбыте. Часа в два вас устраивает?

– Вполне.

Играет ли Вертилин в преферанс? Есть партнеры. И бильярд в городе неплохой, возле ресторана «Восток».

Но Вертилину нужна была автобаза, а не преферанс и бильярд.

– Как вам работается на базе? – заранее делая сочувственное лицо, спросил он.

– Не говорите! – сокрушенно сказал Смолкин. – Автоомобильное снабжение! – Он поднял вилку. – Пять тысяч наименований деталей, номенклатурка – дай бог!

– Сколько вам платят? – спросил Вертилин и, услышав ответ, качнул головой: – Не густо.

– Ставки у нас мизерные, – подхватил Смолкин, – рядом, на станкостроительном, ставка вдвое больше, работы в три раза меньше.

– Перейдите.

– Привычка, черт бы ее побрал! На автобазе ценят, понимаете: знают, как все достается.

– С вашим директором работать, видно, не легко, – сказал Вертилин.

– Человек с характером! – согласился Смолкин. Потом добавил: – Да ведь в его должности без этого нельзя. Живем в областном центре, у всех на виду, над нами сто хозяев, все командуют, все рвут на части.

– Говорят, он не ладит с управляющим трестом, – осторожно заметил Вертилин.

Смолкин на секунду скосил на него глаза, потом уверенно произнес:

– Что вы! У них с Канунниковым наилучшие отношения.

«Ну, брат, я про это тоже кое-что знаю, – подумал Вертилин. – Хоть и хитер ты, да не очень».

Яростно разжевывая шашлык и поглощая пиво, Смолкин разглагольствовал о разных пустяках, нимало не заботясь, интересно ли это Вертилину. А тот с удовлетворением думал, что Смолкин звезд с неба не хватает и прибрать его к рукам будет не трудно.

– Кстати, наряды на кирпич у вас майские? – спросил вдруг Смолкин.

Вертилин насторожился.

– Да. А что?

– Если майские, значит, у нас больше оснований дать вам немедленно машины.

– Пожалуй, – согласился Вертилин, по про себя отметил: вопрос задан не зря, этот краснощекий весельчак не так уж прост.

Вертилин задумчиво погладил ножку бокала.

– Только, пожалуйста, не задержите меня с машинами.

– Какие могут быть разговоры?! Доложу хозяину, и все в порядке.

– Еще как он посмотрит!

– Что же вы думаете, он не понимает, что к чему?

«Сообразительный парень», – решил Вертилин.

Он оплатил счет без особого сожаления. Эти деньги не пропадут.

Глава вторая

Наступил тот поздний час, когда в конторе никого нет, помещение убрано, на столах чисто и телефон мирно дремлет, поникнув черной трубкой.

Из-за стены, отделявшей кабинет от гаража, слышалось рычание моторов, из диспетчерской доносились голоса шоферов, сдающих путевки, и кондукторов, считающих выручку. Машины возвращались с линии, и в окне то и дело возникали молочные полосы света. Они освещали склонившуюся над таблицей голову Полякова, его твердо очерченный профиль, карандаш в сухих крепких пальцах. Он рассматривал отчет о работе автобазы.

Экономист Леонид Иванович Попов сидел в знакомом уже читателю кожаном кресле. Стекла больших очков в роговой оправе не могли скрыть напряженного и беспокойного взгляда, следившего за карандашом Полякова. Весь его вид как бы говорил: «Делайте как вам угодно. Я человек подчиненный, и я молчу».

Попов считал главным достоинством экономиста умение составить отчет «вовремя и хорошего качества», то есть представить работу своего предприятия в наилучшем виде. Он не извращал цифр, но умел подчеркнуть лучшие, не скрывал недостатков, но акцентировал успехи. И теперь, когда автобаза перевыполнила апрельский план, Леонид Ива-

нович построил отчет так, чтобы он отвечал на вопрос: «Каким образом автобаза достигла такого результата?» Для этого он на все лады анализировал работу пассажирского транспорта, по которому план был перевыполнен, оставляя в тени грузовой, едва-едва вытянувший программу.

Поляков поступил наоборот: все внимание он уделил грузовым перевозкам, и Леонид Иванович понял – отчет придется переделывать. Он представил себе картину заседания в тресте. Канунников скривит губы в злой усмешке: «Опять себя для битья выставляете?! Что ж, получайте». И получат! И поделом, раз сами напрашиваются!

Его мрачные мысли были прерваны коротким замечанием Полякова:

– Из ста пятидесяти машин в среднем работало только сто двадцать.

– Новые машины не стояли бы.

Этот ответ означал: «Надо не возиться со старым барахлом, а добиваться новых машин».

– Машины слишком долго стоят под погрузкой и разгрузкой, – продолжал Поляков.

Что мог возразить Леонид Иванович? Разве Поляков сам не понимает? Машины работают в городе, на коротких расстояниях, вот и стоят много времени под погрузкой и разгрузкой.

Но напоминать об этом Леонид Иванович счел бесполезным. Только заметил:

– Зато обратите внимание, Михаил Григорьевич: семьдесят два процента с грузом. Это же неслыханно на городской работе!

Поляков отложил в сторону карандаш и посмотрел на Попова.

– Вы видите семьдесят два процента груженого пробега, а я вижу двадцать восемь процентов порожнего. Отчет – это не мармеладка, а пилюля: чем она горше, тем лучше действует.

Он встал, собрал со стола испещренные заметками ведомости, протянул их Попову.

– Берите. Послезавтра на производственном совещании доложите весь материал. Покажите каждому, сколько убытку приносит его плохая работа.

Леонид Иванович, расстроенный, вернулся в контору. Начальник эксплуатации Степанов кивнул на дверь кабинета:

– Один?

В ответ Леонид Иванович буркнул:

– Иди.

– Будет концерт, – сказал Степанов, поднимаясь и подбирая бумаги.

– Что такое?

– Тракторсбыт шесть машин прогнал порожняком!

Тревога Степанова оказалась напрасной.

Поляков молча прочел докладную записку шоферов, а утверждая разнарядку, красным карандашом вычеркнул

Тракторсбыт. Не давать машин!

– Как бы скандал не вышел, Михаил Григорьевич, – предупредил Степанов.

– Не давать машин! – коротко произнес Поляков.

– Слушаюсь.

Взгляд Полякова задержался на одной строчке ведомости:

– Почему включен Стройтрест? Он расплатился?

– Звонил Жуков...

– Он расплатился?

– Нет.

– Почему вы включили его в разнарядку?

– Вас как раз не было, Михаил Григорьевич, звонил Жуков – председатель горсовета, потом товарищ Канунников звонил. Приказывали обязательно занарядить Стройтресту десять машин.

– Ну и что же?

Степанов развел руками:

– Председатель горсовета...

Поляков вычеркнул в разнарядке Стройтрест. Раздался телефонный звонок. Поляков поднял трубку, узнал голос управляющего Автотрестом Канунникова.

– Михаил Григорьевич? Здорово!

– Здравствуйте, Илья Порфирьевич.

– Как дела?

– Ничего.

– Ничего, говоришь?

– Ничего.

– Слушай, Поляков, сам проследи. Машины Стройтресту чтобы без всякого опоздания подать! Что, брат, сегодня на облизполкоме было! Я говорю: «Закидаем машинами, только возите». Приказано десять машин им выделить.

– Не могу, Илья Порфирьевич. За ними сто восемнадцать тысяч задолженности.

– А... До сих пор не расплатились?

– Нет.

– Вот черт, совсем упустил из виду. Закрутишься с делами, забудешь, как самого зовут. Ну ладно. Завтра мы им машины дадим, а послезавтра посмотрим. Доложу облизполкому.

– Не могу, Илья Порфирьевич. Есть приказ: должникам не возить.

– Знаю, знаю, но ничего на этот раз не попишешь. Придется выделить.

– Не могу.

– А я приказываю!

– Дайте официальный приказ: «Несмотря на наличие задолженности, машины Стройтресту выделить».

– Страхуешься?

– Страхуюсь. И кстати: Тракторсбыту машин завтра тоже не даем.

– Это почему?

– Опять не дали загрузить машины в обратный рейс. Про-

гнали порожняком.

– У них запчасти к тракторам, тут судом пахнет.

– Знаю.

– Знаешь, так смотри. А вот Стройтресту чтоб машины были.

– Если дадите приказ.

– То, что я говорю, и есть приказ.

– Разрешите записать его телефонограммой?

– Никаких телефонограмм! Нечего бюрократизм разводить! Вот мое последнее слово. Чтоб завтра машины Стройтресту были. Всё. Точка.

Канунников бросил трубку. Поляков спокойно положил свою на рычаг.

Предприятие, которое возглавлял Поляков, выросло из маленького гаража Союзтранса, имевшего в 1929 году всего три автобуса, три старых громоздких «лейланда», отслуживших свой век на московских улицах.

За двадцать лет парк загряжской автобазы вырос до ста пятидесяти машин. Пассажирские линии покрыли город и тракты, где до войны можно было видеть многострадальные «лейландовские» кузова, приспособленные под автобусные стоянки. Они были малонадежным укрытием от дождя и зноя. Зато любая остановившаяся возле них машина служила наглядным свидетельством прогресса автомобильной техники.

Но размещалась автобаза в том же гараже, что и двадцать лет назад. Машины стояли во дворе, а мастерские ютились в тесных, непригодных помещениях.

Теперь Поляков ждал звонка технорука Любимова, который поехал в Москву добиваться в министерстве разрешения строить новые ремонтные мастерские.

Поляков надеялся, что строительство разрешат, хотя в полной мере представлял себе трудности: строить придется за счет собственных накоплений, значительная часть времени упущена, и Канунников, конечно, будет мешать.

Снова раздался телефонный звонок. На этот раз Москва. У аппарата Любимов.

– Алло! Любимов! Здравствуй. Как дела?

– Мастерские строить разрешено. Стоимость первой очереди – семьсот тысяч рублей; все освоить в этом году. С проектом ознакомился: проект хороший... В министерстве предупредили: если не освоите, не берите.

– А ты как считаешь – брать?

– Такой случай упускать нельзя.

– А если завалим?

– Не думаю. Коробка простая. Дадут кирпич – в два месяца выгоним.

– Как бы нас с тобой раньше не выгнали.

– Кто-нибудь после нас достроит, зато мастерские будут.

– Это ориентир неважный. Ну ладно! Бери проект и выезжай. Остальное брось. Пошлем Смолкина, он доделает. По-

слезавтра к вечеру жду.

Как все просто и быстро делается! Уже завтра нужно начинать хлопоты о кирпиче, лесе, камне, стекле, кровле, о рабочих, о деньгах. Мастерские станут реальностью. А он их добивался столько лет!

Глава третья

Управляющий Автотрестом Канунников обычно сидел в своем кабинете до полуночи, пока не расходилось областное начальство, – это давало ему право приходить на работу в полдень.

Кабинет был большой, просторный, оклеен коричневыми обоями, с ковром на полу, шеренгой мягких стульев у одной стены, диваном у другой и двумя низкими тяжелыми креслами у огромного письменного стола. На третьем кресле, еще более массивном, чем остальные, по-хозяйски грузно и основательно сидел сам Канунников. Казалось, и хозяин этого кабинета, и мебель всем своим видом говорили: «А ну, попробуйте сдвиньте нас».

Канунников был директором-профессионалом. Заведование чем-нибудь стало его специальностью. Был он и председателем правления деревообделочной артели, и заместителем председателя райисполкома, заведовал горкомхозом, директорствовал на крахмало-паточном и ликеро-водочном заводах, работал в аппарате облисполкома. В конце концов он, по местному выражению, «присох» в Автотресте.

Он был неглуп, изворотлив, успел кое-чего нахвататься, «хотя и не специалист, но опытный хозяйственник». К тому же он был «свой», «здешний», «на наших глазах вырос». Почему-то все были уверены, что он, Канунников, «дело вытя-

нет».

Руководители, подобные Канунникову, забывают свою первую профессию и не приобретают никакой другой. Их девиз краток: «Начальство должно быть довольным». В случае же «чего-нибудь» начальство должно быть убеждено, что виноваты не они, а кто-то другой. Если же свалить свои ошибки на кого-то другого не удастся, они разводят руками, сокрушенно вздыхают: «Конь о четырех ногах, и тот спотыкается». Этот конь хоть и спотыкается, но всегда их вывозит.

Канунников понимал, что, не давая машин Стройтресту и Тракторсбыту, Поляков ставит себя под удар, но закон на его стороне, возить в долг запрещено. Достанется же ему, Канунникову: он ни слова не сказал о задолженности и тем самым ввел всех в заблуждение.

Нужно выкручиваться. Он снова поднял трубку и попросил соединить с управляющим Стройтрестом Грифцовым.

– Грифцов! Здорово, друг! Извини, что беспокою... Ну раз ничего, то ладно. Почему я не сплю? Да вот сижу, все о вчерашнем заседании думаю.

Он сочувственно почмокал губами:

– Вот так и живем. Хорошо, хорошо, а случись что – все на тебя навалятся. Хотел я сказануть, да зачем масло в огонь подливать? Привык, говоришь? Хе-хе... Это верно, нам не привыкать, за битого двух небитых дают. – Лицо его расплылось в добродушной улыбке, потом вдруг стало озабоченным. – Да, слушай, Грифцов! Ведь ты и меня в дурацкое по-

ложение поставил. Ей-богу. Деньги-то ты не платишь. Знаешь, сколько за тобой? Правильно, сто восемнадцать тысяч. Вот и получается: не могу я тебе машин выделить, не имею права. Верно, на облисполкоме я молчал, но сидел как на горячих углях. Думаю: откажусь дать машины – еще больше тебя колотить начнут, соглашусь – меня министерство стукнет за то, что должникам вожу. Думал, думал и решил: о задолженности не говорить, выручить тебя, а потом столкнуться с тобой – ты мне немного деньжонок подбросишь, и все будет в порядке. Сегодня я тебя выручил, завтра – ты меня. Денег нет? Надо найти. Ты войди в мое положение: мой главбух в министерство такую петицию накатает... Ничего не можешь поделать... Гм... Тогда извини, машин я тоже не могу дать.

Потом он с сердитым видом, нервно крутя в руке карандаш, слушал длинную тираду Грифцова.

Грифцов уверял, что на расчетном счете денег у него нет. Дней через пять, возможно, он рассчитается. Канунников не даст машин? Об этом следовало заявить на исполкоме.

– В общем, ясно, – перебил его Канунников, – за то, что я тебя выручил, ты меня теперь под монастырь подводишь, спасибо.

Да нет, Грифцов вовсе не хочет подводить его, но денег-то нет. Канунникову следовало сказать на исполкоме о задолженности: семь бед – один ответ. Исполком бы увидел, в каких условиях он, Грифцов, работает.

Но Канунников твердил одно: за доброе отношение ему

платят черной неблагодарностью, вместо того чтобы найти выход, его делают козлом отпущения. Он говорил, говорил, пока не вырвал у Грифцова обещания связаться с управляющим банком и сделать все возможное.

Через полчаса Грифцов позвонил. Завтра автобазе переведут семьдесят тысяч в счет задолженности. Он делает это ради их добрых отношений, но наживает новые неприятности: будет грандиозный скандал с поставщиками.

– Ничего, ничего, – в радостном возбуждении успокаивал его Канунников, – все обойдется. Только вот что, скажи своему бухгалтеру, пусть платежное поручение выпишет сейчас, сегодняшним числом. Банк закрыт? Ну и что: выписали, да опоздали в банк. Зачем мне это нужно? На случай ревизии: знал, мол, что вы уже выписали поручение, и дал машины. Ну, спасибо, бывай, спи.

Он положил трубку и с удовлетворением потер руки: «Ну, Поляков, узнаешь теперь, как не выполнять моих приказаний».

Глава четвертая

Все произошло именно так, как и предполагал Канунников.

Утром позвонил заместитель председателя облисполкома Иванов и спросил, почему не выделены машины Стройтресту и Тракторсбыту.

– Директор автобазы Поляков не выполнил моего приказа, – ответил Канунников.

Потом, ерзая на стуле, он выслушал строгие внушения Иванова.

Почему он распустил людей? Сам он для мебели, что ли? До каких пор Поляков будет самоуправствовать?!

Канунников начал твердо защищаться. Насчет Тракторсбыта он не в курсе дела, разберется – доложит. О Стройтресте он дал ясный приказ: выделить машины! Он не может работать за каждого директора базы, у него их восемь. А в отношении Полякова что же делать? Не так-то просто подыскать директора. Все же инженер, на этой базе с шоферов начинал, демобилизованный офицер.

Иванов сердито оборвал его.

Зачем он рассказывает биографию Полякова? Не биография нужна, а работа. Хватит! Извольте со своим Поляковым немедленно явиться в облисполком!

Канунников тут же позвонил Полякову:

– Достукались, Михаил Григорьевич! Звонил Иванов, вызывает нас. Предупреждал тебя! Теперь не знаю, как отбрезиваться будем.

Когда Поляков явился в облисполком, все уже были в сборе.

Управляющий Стройтрестом Грифцов и управляющий Тракторсбытом Кудрявцев сидели за длинным столом, вполголоса переговариваясь. Канунников с видом человека, ожидающего несправедливого наказания, пристроился у стены, положив на колени блестящую коричневую папку.

Иванов сидел во главе стола. Поляков не был с ним знаком: Канунников не допускал своих подчиненных к вышестоящему начальству. У Иванова было длинное морщинистое лицо, лохматые седые брови нависли над глубоко сидящими глазами. Желтый чесучовый пиджак придавал ему несколько старомодный вид.

Кончив подписывать бумаги, Иванов неприязненно посмотрел на Полякова:

– Доложите, почему не выделены машины!

Поляков встал и коротко доложил:

– Позавчера по вине Тракторсбыта шесть машин прошли порожняком до Спасска сто шестьдесят километров. Из-за этого не был вывезен срочный груз потребительской кооперации. Что касается Стройтреста, то за ним задолженность сто восемнадцать тысяч рублей, а перевозки в долг запреще-

ны.

– Вы получили приказ выделить машины Стройтресту?

– Да.

– Почему не выполнили?

– Этот приказ нарушает закон.

Некоторое время Иванов сидел молча, потом обратился к Кудрявцеву:

– Почему не загрузили машины?

– Все, что говорил здесь Поляков, – клевета! – объявил Кудрявцев. – Ни одного слова правды. Как это я не дал загрузить машины? Смешно! Что я их, за колеса держал? Но они сами не хотят. Им выгоднее ехать порожняком: вон сколько баб с мешками на дорогах! Непонятно: автобаза для клиентов или клиенты для автобазы? Поляков вытворяет, что его левая нога хочет. Этому пора положить конец.

Поляков протянул Иванову акт:

– Вот акт, подписанный не только шоферами и представителем кооперации, но и агентом Тракторсбыта.

Кудрявцев обрушил кулаки на стол:

– Этот агент такой же жулик, как и ваши шоферы! На пару работают. Его подписи грош цена.

Иванов постучал по столу карандашом, и Кудрявцев затих. Слово получил Грифцов.

– Да, действительно задолженность автобазе сто восемнадцать тысяч рублей. Однако Стройтрест принимает меры к ее погашению, семьдесят тысяч уже переведено. – Он вынул

из портфеля и положил перед Ивановым копию поручения. – Остальные будут переведены в ближайшие дни. Об этом достигнута полная договоренность с Ильей Порфирьевичем. – Он обернулся к Канунникову, тот утвердительно кивнул. – Я вполне понимаю товарища Полякова как хозяйственника, но должен заметить, что юридически...

– Минутку, – перебил его Иванов, рассматривая копию поручения. – Вы что ж, – он обратился к Полякову, – не знали, что вам переведено семьдесят тысяч?

– Не знал. По-видимому, деньги переведены только сегодня.

– Сегодня шестое. Здесь написано: пятое.

– Поручение выписано вчера, – пояснил Грифцов, – но деньги переведены только сегодня.

– Странно, – заметил Поляков, – вчера, товарищ Грифцов, вы мне сказали, что раньше десятого денег не будет.

Грифцов покраснел и посмотрел на Канунникова. Тот сидел, прикрыв глаза.

– Ну и что же, – сказал Иванов, – Грифцов думал рассчитаться десятого, а сумел раньше. Сумел, о чем и сообщил Канунникову. Канунников дал вам распоряжение. Вы его не выполнили. Деньги у вас на счету, а машин нет.

Поглядывая на Канунникова, Грифцов, волнуясь, сказал:

– О переводе денег договоренность с банком достигнута только поздно ночью. Товарищ Поляков действительно не мог предполагать, что деньги к нему поступят сегодня.

– Его дело – не предполагать, а выполнять, – недовольно сказал Иванов. – А зачем вы поручение выписываете, если не знаете, сумеете ли перевести деньги?

Грифцов молчал.

– Как же это получается? – продолжал Иванов. – Полякову вы заявляете, что денег нет, с банком еще не договорились, а поручение, оказывается, уже выписано.

– Поручение было выписано ночью по просьбе Ильи Порфирьевича, – сказал Грифцов.

Иванов повернулся к Канунникову:

– А вам зачем это потребовалось?

Канунников, не проронивший еще ни слова, посмотрел на него невинно-простодушным взглядом.

– Я считал, что если они заранее выпишут поручение, то наверняка переведут деньги. – И, не давая никому опомниться, продолжал: – А в отношении товарища Кудрявцева нужно прямо сказать: не дает он загружать машины, не дает. Чуть что – применяет санкции. Например, просим запчастей к «Победе» – он не дает, хотя знает, что мы ремонтируем машины облизполкома. – Канунников искоса посмотрел на Иванова. – Вот вашу, например, машину, Андрей Васильевич, мы почему в ремонте задержали? Не давал Кудрявцев запчастей, а ведь знал, что машины облизполкома.

Разговор снова завертелся вокруг Тракторсбыта, как того и хотел Канунников. Зазвонил телефон. Иванов долго разговаривал с районом, потом встал и сказал:

– Ответственные люди, а не можете договориться. Кудрявцев не дает загружать порожние машины, гоняет их вхолостую. Он выигрывает на этом минуты, а государство теряет тысячи. Разве это не преступление, товарищ Кудрявцев?

Кудрявцев пробормотал в ответ что-то невнятное.

Иванов продолжал:

– Грифцов тоже хорош, поддается на какие-то странные, больше того – подозрительные манипуляции с выпиской поручения. Зачем это надо? Кого вы собирались обмануть, товарищ Канунников? Это не к лицу вам обоим.

Канунников встал, прижал руки к груди.

– Я же вам докладывал, Андрей Васильевич. Никакого обмана здесь нет.

– Хорошо, хорошо, – перебил его Иванов, – тем лучше, что без обмана, а еще бы лучше без заднего числа.

Он повернулся к Полякову:

– Никто не оспаривает ваших директорских прав, но хозяйство-то у нас плановое. «Не дам машин» – это проще всего. Но этим вы дезорганизуете работу других предприятий. Куда это годится?

Поляков пожал плечами: мол, делать так не годится, но делать по-другому у меня нет возможности.

Иванов пристально посмотрел на него, потом обратился к Грифцову:

– Вы когда погасите задолженность?

– К десятому.

– Посмотрим. – Иванов перелистал настольный календарь. – Двенадцатого мая, товарищ Поляков, доложите мне о расчетах с Грифцовым.

Глава пятая

Максимов притормозил автобус, оглянулся, но Валя уже прыгнула с подножки и побежала сдавать выручку. В тускло освещенной двери конторы мелькнула ее тонкая фигура в черной кондукторской куртке, с сумкой на боку. Максимов включил скорость и повел машину в гараж. Полагается промыть автобус. Да ведь пока провозишься – Валя уйдет. Одну ночь и немытый постоит.

Поставив автобус на стоянку, он вылез из кабины и огляделся, разыскивая глазами механика – путевку подписать. В гараже пахло бензином. Синий дымок отработанных газов стелился по закопченному потолку с побитой штукатуркой. Равномерно хлопал на сшивке приводной ремень компрессора. Слесари ночной бригады возились у машин. Длинные шнуры переносных ламп волочились за ними по цементному полу, цепляясь за колеса и буфера тесно стоявших автомобилей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.